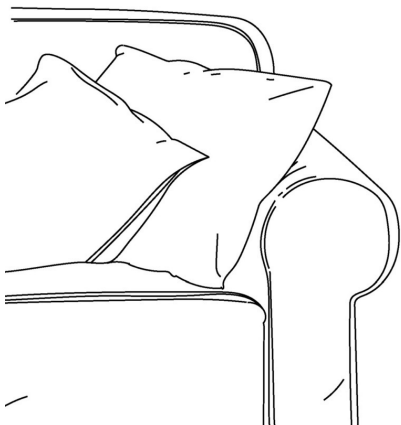

МАЛКА ЛОРЕНЦ

ГИПНОЗ
и
НАРКОЗ

Малка Лоренц

Гипноз и наркоз

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64928132*

Гипноз и наркоз / Малка Лоренц; 2021

ISBN 978-5-906084-39-2

Аннотация

Малку Лоренц, без преувеличения, знает весь Рунет – как блогера, колумниста, автора сетевого проекта «Пятничные вопросы», где она отвечает на анонимные вопросы своих читательниц. Афористичность, юмор, здравый подход на грани цинизма в сочетании с бесконечной теплотой и состраданием сделали эту рубрику любимым чтением тысяч женщин. По ее материалам вышло уже три книги. Тексты Малки Лоренц давно разошлись на цитаты.

В этой книге собраны короткие рассказы, новеллы-притчи, зарисовки и эссе Малки Лоренц – как всегда, компактные и емкие, простые и глубокие.

Содержание

Краденое солнце	7
Черное пальто	7
Золото	11
Дороже денег	14
I pray every day to be strong	16
Последняя надежда	20
Коммерческий гений	23
В отдельно взятой	25
Лепта вдовицы	27
Потребительская корзиночка	29
Не прервется связь	31
Ремонт	33
Кем быть	36
Fair play	39
Вы стали фиолетовой от соли бертолетовой	42
Краденое солнце	45
Языковой барьер	48
Imagine all the people	50
Управляй мечтой	53
И не введи нас во искушение	55
Расходный материал	58
Слоник	60
Солярис	62

Цветочек	64
Нетрадиционные отношения	66
Поперек	70
Худеть!	73
Благая часть	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Малка Лоренц

Гипноз и наркоз

«Гипноз и наркоз» – книга уникальной прозы и горького опыта, который есть почти у каждой женщины, но осмысление его мы обычно откладываем, прячем как можно глубже. Любовь и боль, стойкость и уязвимость, отчаяние и нежность или вот гипноз и наркоз.

Большую часть опыта женщине действительно приходится получать, заморозив часть души или погрузив мозг в спасительный гипноз. Малка Лоренц – женщина, которая живет с открытыми глазами, не допускает утешительного самообмана и не дает читателю забыть о безднах окружающего мира. При этом она смеет любить – вопреки здравому смыслу, с полным пониманием гибельности этого процесса.

Но с этой книгой читатель, конечно, не будет только рыдать и сжиматься от горя. У Малки потрясающее чувство юмора, ясный ум и невероятно цепкий взгляд, она умеет увидеть и назвать все глупости и прелести этого мира. И, наверное, за эту суперсилу она дорога тысячам своих читателей. Мы восхищаемся ею, как храбрым маленьким солдатом, замершим на границе отчаяния и любви. Впереди у него ужас, за спиной – все, чем он дорожит, на устах насмешливая песенка о том, что пуля – дура, а смерти нет.

Марта Кетро, писатель

Краденое солнце

Черное пальто

В актовом зале института связи было комсомольское собрание. Слушалось персональное дело комсомольца Удавкина, студента второго курса. Согнали весь курс, а может, и не один.

Я сидела где-то сзади и рисовала в блокноте. Мне плевать было на этот институт, на всех этих людей и на комсомольца Удачкина. Я его, как и всех прочих, и по фамилии-то не очень знала. По имени знала, врать не буду – то ли Вадик, то ли Славик. Он был паренек с фанабериями, там был какой-то непростой папа и нервная система тоже не очень.

Комсомолец Удалкин обвинялся в контактах с иностранными гражданами. С гражданами стран – членов НАТО. Мне эта повестка была непостижима: профиль вуза был да, околооборонный, но мы были не на службе и никаких подписок не давали. Почему Славику не полагалось контактов, я не очень понимала, но мне было плевать, я хотела домой и никого из этих людей не видеть вообще никогда, дальше этого мои политические идеалы не простирались.

Дома у меня о политике не говорили. Кто-то трусил, кто-то брезговал. В свои 18 лет я была совершенно незамутнен-

ная и к советской власти относилась ровно так же, как к миру в целом – говно, конечно, полное, но жить можно, если поменьше соприкасаться.

Между тем слово взял комсомольский секретарь факультета, освобожденная гнида на зарплате. Он поведал, что студент Ударкин был замечен во встречах с какими-то девицами из Западной Германии и чуть ли не в провожании их до дома или наоборот, я не очень внимательно слушала.

Нервный Вадик запальчиво возражал, что не видит в этом ничего предосудительного. Комсомольский лидер на это молот тоже какую-то активную чушь. Я изнывала и хотела в туалет, в Гостиный Двор и в кафе-мороженое «Лягушатник». Я не понимала, что вообще такого произошло, что надо сидеть здесь с этими идиотами.

С места встал комсорг группы. Это был рассудительный колхозник после армии, на фоне тонконогих однокурсников – серьезный мужик. Скажи нам, Славик, проникновенно начал он. Скажи нам, своим товарищам. Вот зачем??? Ну я правда не понимаю! Зачем тебе это понадобилось???

Хоть я и прочла к тому моменту раз в двести побольше этих комсоргов, все равно я была малолетняя курица с Гражданского проспекта. Ни одного живого иностранца я не видывала в глаза и даже не представляла, где их берут и с какой целью. Для меня все это было чистой абстракцией. Но из-за этой абстракции я сидела с идиотами в актовом зале, а не ела мороженое с подружкой. Единственное, что я тогда подума-

ла своими ленивыми мозгами, – и правда, зачем? Он там гулял невесту с кем, а я тут теперь из-за него сижу. Неужели трудно было обойтись без этого? Ну, без контактов этих? Я бы на его месте обошлась. Не наживала бы себе проблем и другим бы жить не мешала.

Дело, однако, двигалось в сторону резолюции. Резолюция вырисовывалась паршивая. Исключение из комсомола означало автоматом исключение из института и армию. В Афганистане шла война.

Я вначале сказала неправду. Я отлично помню, как звали этого студента. Я ненавидела его всей душой.

Он и вообще был хамоват, но это мне было все равно, я на курсе ни с кем не общалась. Но однажды в лаборатории мы с ним не поделили место. Я заняла стул – поставила туда сумку, а он мою сумку скинул на пол и уселся. А когда я пришла и хотела сесть, он меня толкнул. Сильно. У всех на глазах. И я села на другое место.

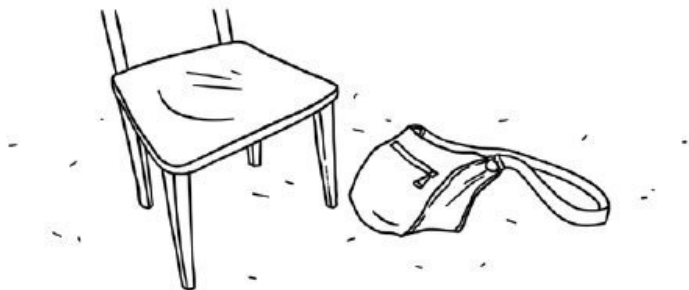
Я просила своего жениха набить ему морду, но жених, шире его в плечах в четыре раза, вместо этого стал что-то лепетать, и Славик только поржал.

Секретарь встал зачитывать решение. Парня отправляли на верную смерть за то, что он тусил с иностранными девчонками. Все было очень торжественно, теперь полагалось встать и хлопать. И я встала и хлопала. Я не делала вид. Я хлопала.

До перестройки оставалось два года.

Теперь, когда мои друзья ужасаются тому, что вдруг стало с людьми. Почему они все это делают и т. д. Когда они вопрошают, откуда это все берется.

Я ничего не говорю. Я вспоминаю себя на том собрании. Я знаю, откуда это берется.

Золото

В Германии не принято носить золотые украшения. Т. е. не принято в определенных кругах. Дамы университетские, дамы творческие типа креативные, дамы идеологически продвинутые – золота не носят. Они носят либо серебро, это в лучшем случае, в худшем – какие-нибудь когти шанхайского барса на алюминиевой цепочке или вообще цветные бумажки, оправленные в оргстекло. Золото носят арабки, т. е. контингент социально ущербный, либо лавочницы – контингент ущербный идеологически. Приличная женщина не бренчит цепями, а пишет работу на тему «Фрагментарное воздействие чего-то там на чего-то там еще», а в свободное время если не медитирует вверх ногами, то как минимум берет уроки живописи, слева дерево, справа домик. Еще приличная женщина всегда в долгах и пишет роман. Хорошо, если она лесбиянка, но если ее просто муж бросил, тоже сойдет. Главное – медитация, креатив и когти повсеместно, главным образом на шее, там больше поместится.

Все это я знала отлично. Однако это не помешало мне купить великолепный золотой браслет буквально за бесценок. Я вообще люблю покупать украшения, я, кажется, уже говорила об этом. А не говорила, так скажу – люблю я это дело. Откуда это во мне – непонятно, откуда у девочки из нищей инженерской семьи твердое убеждение, что лучше одно пла-

тье и десять колец, чем десять платьев и одно кольцо... Родители мне ничего подобного не внушали, это точно.

За ужином я не удержалась и показала браслет Хайнцу. Хайнц застыл в недоумении и потребовал объяснений. Я слегка удивилась, вообще-то я купила его на свои деньги, но вечер был мирный, и я вдруг ни с того ни с сего рассказала ему про свою бабушку, которая в блокаду, зимой 42-го года, родила мою маму, и выжила сама, и сберегла дитя, и страшный путь в эвакуацию, неизвестно куда с грудным ребенком, и там, на краю света, среди чужих людей, и жилье ведь надо было снимать, а это деньги, и как-то кормиться, это тоже деньги, а если ребенок заболит? Это ужас какие деньги.

У бабушки было приданое – царские червонцы и золотые украшения. Все это, не считая того, что проели в Ленинграде (тоже, кстати, сюжет – молодая женщина идет одна на черный рынок продавать золото, дома новорожденный; ладно обманут, а если убьют? Что будет с доченькой? А что с ней сейчас, пока она на рынке? Ужас, короче), так вот, все, что осталось, приехало с ней в этот Краснодарский край, зашитое в белье, как тогда было принято. Этим она платила за жилье, и за еду, и все ее любили, все любят тех, кто платит.

Потом пришли немцы, сказала я, и Хайнц поморщился. Комендатура, управа, и бабушка мгновенно попала в расстрельный список как жена командира и вообще. Но списки составляют люди, и люди в основном подневольные, и бабушка выпорола из белья что там оставалось и выкупила се-

бя и годовалую маму из этого списка. А через несколько дней пришли наши. Так бывает только в кино, но в город вошла именно дедушкина часть. И он нашел свою семью. Нашел жену и дочь живыми. Из эвакуации бабушка не привезла ничего, все осталось там. Она привезла только мою маму. Моя мама выросла и родила меня. И все потому, что у бабушки нашлось чем подкупить писаря из комендатуры. Потому что у нее нашлось кольцо с сапфиром, и царские десятки, и крест червонного золота. А не нашлось бы – и не было бы меня на свете, сказала я Хайнцу. Каждое колечко может обернуться спасенной жизнью, сказала я ему. На каждую сережку когда-нибудь кто-нибудь купит хлеба, сказала я ему.

А он мне на это сказал: «Вы, русские, такие меркантильные».

Дороже денег

Сидим с коллегой в кафе, говорим о работе.

Ну то есть как о работе – о деньгах, конечно. Профессионалы, когда говорят о работе, не обсуждают секреты ремесла. Эти секреты и так все знают. Они обсуждают траблы с заказчиками, кто сколько заплатил и как дела у конкурентов.

Когда фермеры садятся выпить водки, они тоже не о фотосинтезе говорят, а о видах на урожай.

У коллеги проблема – бунтует муж. Препод она хороший, группы у нее каждый вечер, и ведет она их дома, места у них хватает. Т. е. муж приходит с работы, а она как раз начинает. И группы у нее по три часа, когда она заканчивает – вроде как и спать пора. Сотку зелени делает за вечер, вечер – дорогое время, все клиенты хотят вечером заниматься, днем они работают.

– И вот он мне говорит – прекращай это дело, а то я тебя не вижу совсем, – жалуется коллега.

– Ну да, ну да, – говорю я, – а сто баксов за вечер он тебе сам платить будет? Если так, то соглашайся, это хорошая цена.

– Да щас, – вздыхает коллега. – Это я, походу, должна сто баксов платить за то, чтоб с ним вечер провести. Ежедневно причем. Ну как-то так получается. Если я от этих групп откажусь.

– Ага, – говорю я, – у меня был как-то один деятель, так все норовил позвонить, когда у меня ученик сидит. Я ему говорю – я работаю, давай попозже. А он мне – какая ты меркантильная. Только о деньгах и думаешь.

– Вот-вот, – говорит коллега. – Они еще любят пригласить на свидание, им говоришь – у меня группа, а они такие – отмени! Вот прям щас я ради тебя такого красивого сто баксов в печку брошу. Нашел тоже Настасью Филипповну, прости господи.

Поржали.

– Знаешь, – говорю я. – А у меня ведь так было. Отменяла. И даже не говорила, что у меня в этот день работа была. Если б он узнал, что я деньги теряю, он бы отложил встречу. Не стал бы меня подставлять. А я хотела его видеть. Но это, конечно, давно было.

– Ага, – говорит коллега, – а компенсировать потери он тебе не хотел? Раз уж такой благородный?

– Не знаю, – говорю я. – Я вообще об этом не думала. Для меня тогда деньги правда ничего не значили.

Коллега, опустив голову, долго размешивает сахар в своей чашке.

– Блин, – говорит она, подняв голову. – Блин, блин! Я тоже так хочу.

– Поздно, – говорю я. – Обратно не пускают.

I pray every day to be strong

Когда я прожила с моим мужем пять лет, я его бросила, потому что он был унылое равнодушное чмо и заедал мой век.

Мужчина, который чувствует себя в безопасности, редко себя контролирует. А когда мужчина себя не контролирует, он из всей гаммы чувств может вызвать только чувство безразличного недоумения. Есть мужчины, которые не контролируют себя вообще никогда, тут я вообще ума не приложу, как они устраиваются и кто их пускает дальше порога. Но большинство все же способны какое-то время держать себя в руках, пока не просочатся в дом. И тогда уж. Но не бесконечно, нет.

Муж был этим моим решением совершенно убит, потому что ему предстояло вернуться к маме (зачем снимают жилье, он не представлял). Всю ночь в страшном горе шуршал за стенкой, а утром съехал с вещами. Сцена была античного трагизма, но я ее как-то вынесла. Надо признать, что в этих новых условиях к мужу вернулся самоконтроль, он не стал ни рыдать, ни ложиться костью, ни как-нибудь иначе сражаться напоследок, а, напротив, сохранил лицо.

У меня началась прекрасная жизнь на воле, полная романтики и приключений. Приключения, правда, были все какие-то паскудные, а романтика и того хуже, но я не уны-

вала, страдала бодро и жизнерадостно. Мне в тот год как-то поразительно не везло, заработки были копеечные, поклонники были все какие-то гоблины, и вообще все это никуда не годилось, но ведь свобода! Но ведь наконец-то не замужем! О бывшем я если и вспоминала, то только в том духе, что как без него хорошо.

И тут изгнанный муж, проживая у мамы, проявил себя. Он, можно сказать, встал во весь свой гигантский рост, доведя свой самоконтроль до алмазного блеска и воздев его к небесам подобно факелу. Когда-то он был умнее всех на курсе, больше он это свое эволюционное преимущество нигде не применял, а тут неожиданно пригодилось. Расстались мы по-хорошему, без драки, этот шанс надо было использовать, и действовать он стал с умом, потому что у мамы было все же тесновато.

Он редко и очень аккуратно звонил, был ровен и приветлив и спрашивал, не нужна ли помощь. Он заезжал в гости, привозил гостинчик, рассказывал что-нибудь светское и не засиживался долго. Он заезжал за мной на машине на работу, довозил и высаживал у дома. Приглашал в джаз-клуб и поужинать. Он очень тщательно отмерял промежутки, чтоб и не надоесть, но чтобы и забыть не успели. И никогда, ни одного раза, не завел разговор о чувствах. Вообще никогда, словно ничего не было.

Он знал, что делал. Я не бросала трубку, потому что он не ел мозг, а всего лишь справлялся о делах. Я ходила с ним

на эти концерты, потому что это были именно концерты без всяких выяснений потом на полночи. Мне не хотелось его обижать отказом или игнором – он не давал никакого повода. Я радовалась, когда видела его машину, потому что это означало подвоз до дома, а не очередную нервотрепку.

Те, кто за мной в то время ухаживал, контролировали себя гораздо хуже. Там были и претензии, и подставы, и истерики, а про какую-то помощь даже речи не шло. Случилось удивительное: когда мой муж, которого я до того еле выносила, начал вести себя просто как воспитанный человек – он стал побеждать в этом кастинге с большим отрывом. Я сидела с ним в этих кабачках и слушала его несмешные анекдоты, мне было скучно до визга, но спокойно и непротивно. А с остальными было беспокойно и противно, хотя анекдоты они знали посмешней. И все они от меня чего-то хотели, а муж не хотел ничего.

Не стоит думать, что он быстро добился этого эффекта. Поначалу я раздражалась и торопилась на другие свидания. Первое время мне было досадно, что мне вообще напоминают об этом прошлом браке. Потребовалось больше года, чтобы я, выбирая, с кем пойти погулять, сама выбрала именно его, потому что он хоть и зануда, но точно не накосячит, в отличие от других. Больше года он сидел в этой засаде, слившись с пейзажем и не дыша.

А потом у меня случились всякие неприятности, и мне потребовалась помощь. И потребовался рядом кто-то надеж-

ный. Кто-то, кто не тупит, не истерит и не обижает. Кто-то, кто прилично себя ведет. И тогда он прыгнул.

Это был единственный раз в моей жизни, когда мужчина получил меня обратно.

И да, я об этом сожалею. Потому что в результате этой операции он получил назад жилье и семью, а я получила назад унылое равнодушное чмо.

Последняя надежда

Когда я своего мужа о чем-то прошу, например, куда-то съездить вместо меня и вообще как-то выручить, он всегда, не задумываясь, отвечает «нет». Это все, что он может со мной сделать – дождаться, когда я попрошу, я ведь прошу только тогда, когда нет выхода, когда это последняя надежда, и вот тогда можно ответить «нет» и полюбоваться, что будет.

Ничего не будет, потому что последняя надежда – это все равно что никакой. Но отказать, когда к тебе протягивают руки, – это какая-то особая, запредельная сладость, мне она тоже известна, я тоже, когда мне плохо, выхожу гонять мужиков, подпустить поближе, подать надежду и сразу отобрать, и мордой об асфальт, и полюбоваться, что будет, да ничего не будет, просто я ничем не лучше его. Я тоже знаю эту радость, и я давно не обижаюсь, когда он, к примеру, не притормаживает на повороте, тайком косясь на меня, окаменевшую от ужаса и лепечущую «ну пожалуйста», я знаю, что вот это «ну пожалуйста» – это провокация, это заклинание, выпускающее на волю всех демонов, и я знаю, что делается с лицом у человека, к которому протягивают руки в последней надежде.

Когда мой любимый год назад нашел мне эту машину, доложил кучу денег и выкупил ее, чтобы я не дергалась, пока у меня продавалась предыдущая, – это было именно то, чего

мне всегда недоставало. Кто-то наконец сделал что-то, просто чтобы я не дергалась, просто чтобы мне было спокойно, просто чтобы в моей жизни стало чуть поменьше страха. Мы вышли из салона, и я была готова рыдать от благодарности за такое баловство, меня беспокоило только – как перегнать эту машину домой, ехать надо было через весь город, незнакомый маршрут, что для меня до сих пор ужас, а тогда и по-прежнему. А главное, коробка теперь была другая, все педали не там, это было все равно что пересест на самолет, ужас ужасный и сейчас я упаду. Он не собирался оставлять меня одну, конечно нет, он собирался меня проводить. Я попросила – ты поезжай впереди, а я за тобой.

И тут он сказал – нет.

Я потом много думала о том, почему он так сказал. Может, он думал о том, что если я отстану в плотном потоке, он ничего не сможет сделать, не давать же задний ход. Типа прикрыть сзади и подбадривать сбоку проще и удобнее. Но для меня это означало ехать вперед на самолете, не зная дороги, я же совсем была трусиха тогда, и я все просила – ну поезжай впереди, ну пожалуйста, и протягивала ручки, ну пожалуйста, ну что тебе стоит, а он улыбался и качал головой.

И я погасла и смирилась и проделала сама этот кошмар, увидев эту улыбку, я ее узнала, я увидела, что его позвала эта дудочка, и что это сейчас не он, что со мной говорит то, что сильнее его.

Это было то, что заставляет вполне себе благонаправного ребенка, который младших не обижает и кошек не вешает, вдруг наговорить добрейшей бабушке злых гадостей, и глаза у него блестят при этом чужим, нездешним блеском, как на американских горках, они блестят восторгом падения, которое он не в силах остановить, и потом бабушка плачет в своем углу, а он дуется в своем и никогда не придет мириться, потому что сам в ужасе и не понимает, откуда взялось это наваждение и кто говорил его устами, потому что он мал и слаб и ему невдомек, что причинить боль беззащитному – самое сильное, самое древнее и самое непобедимое из всех искушений.

И если я теперь отшатываюсь от любой человеческой близости, отползаю от нее торопливо, как амеба от иглы, и заклепляю уши воском, и заматываюсь в шелковую нить – то это не оттого, что я боюсь боли, а оттого, что обнять и прильнуть и утешить мне себя тоже не заставить, а вот от всего остального я точно не удержусь.

Коммерческий гений

Когда мне было восемь лет, это был еще дремучий совок, и жизнь у маленьких девочек была совсем не так изобильна, как теперь, она, эта жизнь, была, скажем прямо, довольно скудна. Их сокровища не валялись по всему дому, образуя плодородный слой. Они трепетно хранились в специальном месте и ежедневно извлекались на предмет полюбоваться.

Это были пустые, но по-прежнему прекрасные футлярики от помады, розочки от сносившихся лифчиков, кусочки какой-нибудь тесьмы – останки, объедки от пиршества взрослой женственности, смутная тень и неясный след того мира, где все якобы блистало и благоухало.

Где дефицит, там неизбежно возникает черный рынок. Во дворе или в школе шел непрерывный обмен этими предметами роскоши, и существовали твердые котировки. Пустая пудреница была эквивалентна двум пустым помадам или четырем обрезкам гипюра с люрексом, это была трезвая и довольно суровая жизнь без всякой лирики, и однажды одноклассница принесла в школу колокольчик.

Он был крошечный, буквально с ноготок, когда-то золотистый, на тоненькой цепочке. Это был, скорее всего, фрагмент какой-нибудь развалившейся привозной заколки или брошки. Он был нечеловечески прекрасен и он звенел.

За этот колокольчик я предложила: французскую пудре-

ницу, две пластмассовые розочки – розовую и голубую, два гипюровых обрезка и кусочек голубого бархата. Это была уже даже не королевская цена, а какая-то инопланетная. Это было так щедро, что даже не эффектно, а просто глупо, и колокольчик мне отдали в недоумении и без всякого респекта, словно пьяного обобрали.

Я ни разу не пожалела об этой сделке, хотя цены я знала. С тех пор мало что изменилось.

В отдельно взятой

Я рано начала ездить за границу, лет в двадцать. Это был уже не дремучий совок, а дремучая перестройка, ездили немногие и возили понятно что – чего душа желала, то и возили. Душа у этих людей желала маечек ядерной расцветки и матерчатых тапочек на каблуке. Я даже знаю, где они это покупали.

Моя самая первая поездка была в ГДР, была такая страна. Там было чистенько, потому что немцы, и бедненько, потому что коммунизм. Западные товары продавались, да, но стоили по местным меркам как мотоцикл. Дефицита никакого не было – немцы люди не страстные и за сапоги зарплату не отдадут. Я купила себе белые джинсы и черный пиджак, и туфли Gabor – зеленая замша на черном крокодиле. Мои немецкие знакомые крутили пальцем у виска – дорого. На сдачу я купила белую настольную лампу – тут уже пальцем у виска крутили русские знакомые, на эти деньги можно было купить шесть маечек.

Я ходила в этих белых штанах и в зеленом крокодиле по мерзкому своему городу, и мне казалось – такой персонаж, как я, слегка улучшает ландшафт. Вокруг были кофты с начесом и перламутровые помады, а на мужиков лучше было вообще не смотреть, и посреди этого безобразия я смотрелась как туристка, которой через три дня положено отвалить

к себе домой, в край белых штанов. Ничего было не сделать с этим ландшафтом, ничего.

Сколько я потом ни ездила, сколько ни добывала, ни волокла коробами, караванами, сколько ни наряжала всех своих, сколько ни тащила в дом изящных, удобных, нездешних вещей – ландшафт от этого никак не менялся, ни ветерка, ни ряби, эта бездна поглощала все без следа.

А я все старалась, все тянула, как муравей, в свою нору ценные соломинки, и только много лет спустя до меня дошло, что нельзя купить за деньги и привезти домой кусочек другой, правильной жизни, что эта граница непреодолима, что все эти бриллиантовые россыпи, если их унести с собой, прямо в кармане превратятся в золу.

Хорошо хоть не в крысу.

Лепта вдовицы

Когда-то давно, когда я была еще более молодая и прекрасная, у меня был один любовник.

Как он втерся в любовники – непостижимо уму, видимо, был какой-то неосознанный потенциал. Я скажу больше – он втерся в сожители. Вселился то есть. Как положено, тихой сапой, раз остался, два остался, вроде как и носки нужны на смену, не поспоришь.

Сражался он за это место как бешеный.

Каждый день, идя с работы, покупал у метро букетик. Такой букетик, какие умные бабушки вертят – васильки, ноготки, и все это утрамбовано в целлофановые кружева, а само с мизинчик. Я очень ценила.

Еще он покупал продукты. Как бы угощение.

Как-то раз я в большой мороз при нем сказала, что копченая зубатка с отварной картошкой – это то, что надо. Еще в другой раз я похвалила йогурты Данон. А в третий раз я суксилась, что к завтраку нет грейпфрутового сока.

Чувак свое дело знал туго.

Каждый божий день он приносил мне копченую зубатку, йогурт Данон и грейпфрутовый сок. От себя он добавлял водку «Охтинскую».

Через пару недель я насторожилась. Если он по будням так убивается, думала я, то что же ждет меня в день зарпла-

ты? Какая феерия? Морские гребешки? Камамбер? Миноги с рынка? Может, наконец уже черные оливки? Ну хоть что-то, черт подери, другое?

В день зарплаты мне были торжественно предъявлены васьильки с ноготками, копченая зубатка, йогурт Данон и водка «Охтинская».

Он изо всех сил старался мне понравиться. Он запомнил все, чего я при нем хоть раз хотела.

А сам он не хотел ничего. Не считать же водку «Охтинскую».

Потребительская корзиночка

В совке еда стоила совсем недешево, кто бы там что ни врал. Я имею в виду то, что было хоть как-то похоже на нормальную еду. Булка с чаем не стоили ничего, это да. А еда таки стоила.

Ощущение, что еда ничего не стоила, проистекало оттого, что все, что не еда, – стоило вообще каких-то абсурдных денег.

Демисезонное пальто стоило в магазине без переплаты 200 рублей. Это была зарплата завуча школы. Вы можете себе представить пальто, за которое надо отдать всю зарплату до копейки, все ваши 50 или там 60 скромных тысяч? Ну я тоже могу, но это будет Nina Ricci, а люди с зарплатой 50 тыс. в такие магазины не ходят.

Дубленка стоила 800. Четыре зарплаты. Сейчас на четыре зарплаты можно купить подержанный автомобиль. А тогда считалось нормальным полгода копить на дубленку, питаюсь чаем с булкой.

То есть прокормиться человек мог на две копейки, если был согласен на крупу и постное масло, а вот одеться или там, боже упаси, меблироваться – это были задачи на годы вперед.

Этот странный перекосясел тогда в мозгах так прочно, что попавши лет в 20 впервые на Запад, я испытала-таки обе-

щанный культурный шок.

Это не был шок от изобилия – я перед этим пару лет простояла на черном рынке, и меня трудно было чем-то удивить.

Просто я пошла в супермаркет (в Западном Берлине было дело, как сейчас помню) и набрала продуктов для скромного выживания на неделю. Хлеб, сосиски какие-то, сок, крупа и постное масло, вот такая вот унылая чепуха, никаких шоколадок или, свят-свят, хамонов. У меня вышло 50 марок без малого. Пятьдесят марок стоили туфли, которые я страстно хотела и на которые жадничала. Туфли попроще стоили 20.

Это был катарсис. Катарсис был не в том, что какие здесь дорогие продукты. Он был в том, какие здесь дешевые вещи. Туфли, которые стоят как продукты на неделю – когда я это осознала, я поняла, что попала в рай.

Я-то привыкла, что туфли – это сенсация года, это событие как свадьба единственного сына, по ним отсчитывают время жизни. А оказывается, они стоят как крупа и постное масло.

Меня дико, люто, до визга и исступления бесит, когда работающие люди моего поколения, не инвалиды, не многодетные и не бездомные – жалуются на дороговизну. То ли они все забыли, то ли так ничего и не поняли.

Не прервется связь

Моя мама была в молодости женщина с запросами, окружающей действительностью тихо и сдержанно брезговала и утешалась слабыми приветами из нормального мира, поступавшими из кино и прессы.

Советских газет у нас в доме сроду не водилось, мама покупала польские женские журналы, свободно лежавшие в киосках по причине всеобщего невежества. Там, на фоне бесполезных кракозябров иного языка, попадались мутные перепечатки фотографий из западных изданий, на которых, если всмотреться, можно было различить, что нынче носят и вообще как надо жить.

В одном таком журнале была серия, рекламировавшая дамскую и детскую моду в одном флаконе. Там фигурировали прелестная изящная мама и прелестная дочка примерно за пару лет до полной лолитообразности, в платьях одного фасона с поправкой на невинность. Эти кадры меня завораживали, как бухгалтера трамвайного парка завораживает фоторепортаж со свадьбы престолонаследника. Вот мама с дочкой в кафе – мама, сложив ножки ромбиком, элегантно пригубила капучино, дочка в более блеклых тонах тянет спинку над своим мороженым, ножки так же. Вот мама, раскрыв изящную пудреницу, красит губы кармином – дочка, косясь на маму, мазюкает губки бесцветным бальзамом ров-

но в той же позе. Цветущая мама посвящала этот нежный бутон в вечную тайну моды, вкуса и хороших манер в объеме целого разворота.

Подразумевалась, очевидно, некая эстафета женственности.

Эти картинки вспомнились мне, когда мы с семилетней дочечкой покупали с уличного лотка две скалки – большую и маленькую.

Ремонт

Ремонтов я за жизнь сделала столько, сколько не делал царь Соломон во всей славе своей. Вот и сейчас – пишу, считай, из мешка с цементом, поэтому воспоминания накатывают самые омерзительные, Впрочем, у меня других и нет.

В молодости ремонты делались собственноручно, в совке было плохо с развлечениями. Занятие это было хоть и жизнеутверждающее, но грязное и утомительное. Обычно мне сильно помогал папа, но на каждый пустяк папу не впряжешь, и однажды мне приспичило всего ничего – переклеить обои в гостиной.

Казалось бы, взял да переклеил, делов-то. Беда была в том, что у меня не было стремянки (тогда вообще ни у кого ничего не было, а совести так и до сих пор ни у кого нет), а со стола я не дотягивалась, нужен был кто-то повыше ростом.

У меня ходил тогда в друзьях абсолютно гениальный чувак, не закрывавший рта ни днем, ни ночью, только успевай записывать. Кроме гениальности, никакими ценными качествами он не обладал, а времени отнимал бездну. Приходил и сидел, общался. Рассыпал перлы и сверкал гранями. Томила я от этого общения безмерно, изнывала всей душой, но терпела из вежливости (в молодости я была ангельски деликатна и даже помыслить не могла сказать кому-нибудь «пошел в пень» – а вдруг обидится). И вот этот друг сказал, что

поможет мне с обоями, вместе поклеим. Вот он придет общаться, заодно и поклеим.

Это сейчас бы я про себя подумала – «Не свисти». А тогда я подумала про себя – а ведь что-то же и в нем есть хорошее, какие-то, ээ... проблески человеческого. Я, кстати, в дальнейшем много раз повторяла эту ошибку.

В назначенный день гениальный друг пришел общаться. Я подготовилась к общению изо всех сил – вынесла мебель, порезала обои на куски и сварила клейстер. Гениальный, однако, уселся и принялся общаться как обычно, т. е. пить чай и ронять перлы. Час я терпела, вздыхая и ерзая. Потом терпеть мне надоело. На это гениальный друг поведал, что ему как-то нездоровится, особенно если поднимать руки вверх, стоя на столе, – невыносимо колет в боку и вообще не по себе. Я прямо заплакала.

Сейчас я, конечно, нашла бы что ему сказать. Я бы даже не стала утруждаться формулировками, обошлась бы простейшими коммунальными шаблонами – как мозги трахать, так ты здоровый, а как пользу приносить – так ты больной, раз больной – что ж ты в гости поперся, чтоб с тобой тут нянчились, сидел бы дома, раз от тебя все равно никакого толку и т. д.

Тогда я ничего говорить не стала, поклеила свои обои сама, не без папы, конечно.

А семь лет спустя я взяла это чмо на работу, и он принес мне небольшое состояние. На эти деньги я купила ту кварти-

ру, где и сижу сейчас практически в мешке с цементом, потому что предыдущий ремонт что-то перестал мне нравиться.

Кем быть

Как всякое угнетенное и бесправное существо, я всегда жаждала если не мести, то хотя бы компенсации.

В любое место, где меня обижали, а обижали меня везде, я норовила вернуться уже как победитель и юберменш и тем самым завершить гештальт. Гештальты эти я завершала планомерно и неукоснительно, стараясь ничего не пропустить.

Заканчивая первый институт, я в него же устроилась работать – мне хотелось еще побегать по этим коридорам, уже не перепуганной студенткой, а сотрудницей, которой все пофиг. Сидела за партой на языковых курсах – через год сама преподавала на таких курсах, а еще через год такие курсы у меня были свои. В универе, где из меня таки попили крошечки во время учебы, я через полгода сама принимала экзамены. Школа, которую я закончила, была первым местом, куда я пришла договариваться с директором об аренде помещения под кооператив, вся такая продвинутая капиталистка. Про больницу, где я лежала ребенком, я тоже не забыла, проработала в том мединституте пару месяцев после школы, рассекала в белом халате, как своя.

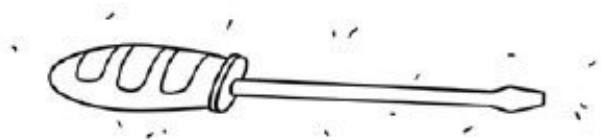
В перестройку я любила читать газеты, но роль читателя меня тоже почему-то оскорбляла. Начала пописывать и бегала уже не к киоску за свежим номером, а в редакцию за гонораром.

Мне казалось, что получатель услуги – всегда лузер и жертва рядом с ее производителем. В советском сознании продавец круче покупателя. Мне хотелось перепрыгнуть прилавок и оттуда, из касты хозяев, небрежно покрикивать, чтобы больше не занимали.

Пару лет назад у меня была фирма. Мелкий ремонт, муж на час. Пятеро мужиков бегали по городу сверлили дырки, а я все это дело контролировала по телефону. Нервов это стоило столько, что проблема лишнего веса не стояла вообще – ежедневная прогулка по минному полю, жизнь кремлевского телефониста. Когда я продала бизнес, я не то что вздохнула – я сплясала.

Сейчас мужик из такой же вот фирмы собирает мне в детской новую мебель. Я его просто вызвала по рекламному объявлению, как когда-то вызывали моих. Он там крутит шуруповертом, а я тут сижу покуриваю. Этот гештальт оказался самым главным.

Я наконец-то поняла, что всю жизнь стремилась не туда. Надо быть не исполнителем. Надо быть заказчиком.

Fair play

Посидели вчера со старым приятелем, поговорили о путешествиях, посплетничали об общих знакомых. Я ему рассказала, что стоит посмотреть в Осло, он на двух сигаретных пачках показал, как умные люди паркуются в два приема, а не в восемь, как я. Усидели литр домашнего вина, на прощанье расцеловались, как родные.

Последнее время мы с ним так встречаемся раз в пару лет. Когда-то очень давно у нас был даже не роман – так, новелла. Он тогда немножко любил меня и немножко – еще одну женщину. Будучи человеком с фантазией, он в мягкой, щадящей форме проинформировал каждую из нас об этом неожиданном раскладе, запасся попкорном и сел смотреть, что будет.

Попкорн не пригодился – мы с этой второй его подружкой за два дня нашли друг друга в блогах (тогда это было проще, мир был значительно теснее), познакомились, подружились, быстренько выставили ему оценки и стали дружить дальше уже совсем без него, на другом материале.

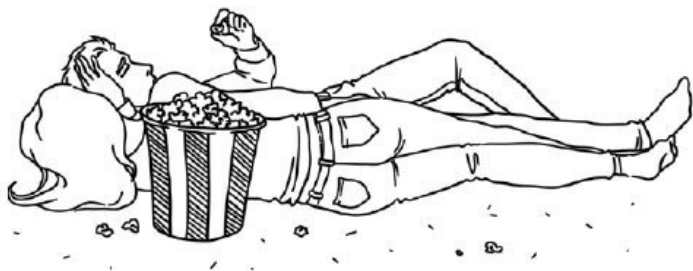
Чувак не обиделся, он вообще был не склонен к трагедиям, хотя другой бы на его месте долго фыркал про подлых баб и про ихнюю коммунальную натуру. «Нэнси умела ценить мужество» © – мы остались приятелями, оказывали друг другу всякие мелкие любезности, по мере сил поддерживали в беде и ходили выпить пива просто так.

Моя новая подруга такого разврата не одобряла и сильно осуждала меня за мягкотелость. Он ведь тебя оскорбил и унизил, восклицала она, он растоптал твоё достоинство, а ты пьёшь с ним пиво как ни в чём не бывало самым виктимным образом!

Я тогда не то что ей – я себе самой не умела объяснить того, что твердо знаю сейчас.

Что жизнь – это не героический эпос и даже не баллада. Это сборник анекдотов. Что анекдоты бывают тупые, а бывают хорошие. Что хороший анекдот – это лучшее, что можно создать на том материале, который нам достался.

Сперва все мы думаем, что жизнь наобещала нам всякого, а потом обманула, надсмеявшись над нашими надеждами. Потом мы думаем, что она ничего не обещала, а мы её просто неправильно поняли, потому что дураки и так нам и надо. И только когда на носу у нас очки, а в душе тоже ничего хорошего – только тогда до нас доходит, что да, обещания были, и все они исполнены до конца, до мельчайшей детали, что то, что с нами происходило, – это и было то, что нам обещали, это и было прописано в договоре, по которому мы столько заплатили, а теперь договор в целом исполнен, и срок его вот-вот истечет.

Вы стали фиолетовой от соли бертолетовой

Когда-то очень давно, буквально в детстве, у меня был бойфренд. Он меня очень любил, потому что у меня была квартира, а у него была сумасшедшая мама, с которой было невозможно жить.

Я его тоже очень любила, потому что надо же человеку кого-то любить, а больше было некого, остальные были еще хуже.

Он сражался за жизнь как бешеный, получалось неважно, и денег он мне не давал, деньги нужны были для бизнеса, он себя считал фарцовщиком и знаменосцем западных ценностей. Мне разрешалось за это знамя подержаться (стоять на черном рынке с его товаром, например, с польской косметикой), но при этом полагалось вести себя скромно и не попрошайничать, косметика была на продажу, а не про мою честь. От меня ожидалась солидарность и слияние интересов, особенно учитывая, что жил он у меня, а я при этом еще и работала на работе (он нет).

Я сперва не обращала внимания на такие мелочи, а потом налепила брошек из пластики и встала их продавать уже не на черном рынке, а на легальном (перестройка шла полным ходом, и место стоило три рубля в день). Бойфренд мой этим бунтом был очень недоволен, не хотел меня провожать до

рынка и т. д. Брошки окупали место не всякий день, я крутилась сама как умела, но как-то однажды пришлось попросить у него три рубля заплатить за место – больше нигде было взять, а он как раз в виде исключения меня проводил.

Он вынул кошелек, в котором меньше тысячи не бывало, поколебавшись, извлек оттуда пятерку и протянул мне. Я вся оскорбленная побежала в кассу платить, а прибежавши – дерзко и вызывающе ссыпала ему в руку сдачу. Соседние рыночные места одобрительно заржали, чувак понял, что репутацию надо спасать. Он швырнул все это дело на пол, развернулся и гордо ушел. А я все собрала на четвереньках, там было целых два рубля, и все смотрели, и подсказывали, куда закатилась монетка.

Я его, конечно, вскоре бросила, было много слез, он, по моему, так ничего и не понял. Я и сама была хороша – вспоминала его как главную любовь всей жизни, которую пришлось буквально вырвать из груди, но сохранить ее образ, стоять грустить возле его дома и всякие такие глупости.

Мы встретились десять лет спустя на Караванной улице и пошли пить пиво, гулять по набережной и т. д., все уже было ясно. Дела у него шли не очень, т. е. до такой степени, что моя давняя подруга дала мне ключи от своей съемной комнаты. Про куда-то пойти не было и речи, дела шли плохо уже очень давно, там не было денег даже на такси и чуть ли не даже на маршрутку.

Когда мы встали с дивана, а он был таким же, как десять

лет назад, та же спина и те же кудри, так вот когда мы встали с дивана – я достала из сумки две бутылки пива и салями и язык, все эти закуски продавались у меня в соседнем доме. У меня была новая квартира в хорошем районе, и я подумала – ведь захочется поесть, и выпить тоже, и захватила это все с собой, ну чепуха же, того и сего по двести грамм буквально.

Он сидел голый в кресле, тридцатилетний мужик, весь в кудрях и в мускулах, в этой чужой комнате без занавесок, и абсолютно счастливый ел эти двести грамм магазинного языка, как приютское дитя ест внезапную конфету, и радовался всем телом этой экскурсии в роскошную жизнь, и он сказал мне – господи, как хорошо, как ты все это здорово придумала!

А я сказала – какие пустяки, ну что ты.

Краденое солнце

Когда-то очень давно я познакомилась по интернету с одним мужчиной. Мужчина был такого градуса пессимизма и уныния, что казалось, будто нашлась моя какая-то субличность, с которой нас разлучили в младенчестве. Как все пессимисты, он был обаятелен и любил мрачно пошутить, любовь подхватила меня и понесла к нему в гости сливаться в духовном экстазе.

Жил он в Женеве и был ООНовским клерком еще советского призыва, с женой давно разошелся и все поминал какую-то любовь, которая его озарила было, но не сбылась по причине общей невменяемости договаривающихся сторон. Любовь была женщиной совсем без крыши, и во мне ему померещилась замена.

Прямо из аэропорта он повез меня в отпуск – Нормандия, Биарриц и т. д. Неопытной мне, дальше Мюнхена тогда не выезжавшей, все это сильно действовало на воображение – серебристая Субару мчит меня к устрицам, а бородатый мужчина уверенно стремится ее куда надо. Немного смутил маршрут. Мы почему-то ехали как бы целенаправленно во всякие затерянные в даях уголки, затем бородатый мужчина шел в отель вести переговоры, а потом мы оттуда отчаливали, долго и странно петляли и останавливались буквально черт знает где.

Но тем не менее устрицы имели место, кроме того, мы много пили и много говорили об экзистенциальном, и даже как-то раз подрались, т. е. любовный сюжет развивался полноценно, без халтуры. За два дня до отлета мы приехали в Женеву, я была введена в квартирку-студию размером 4х4, и мне было объявлено, что здесь мне предстоит жить.

В квартирке был раскладной диван и много порнокассет, больше там ничего не помещалось. Окно выходило на аэропорт, т. е. буквально на летное поле. Я приготовила ужин на кухоньке в углу – там нашлась сковородка, липкая от грязи, и пара разных тарелок. Потом я заснула на раскладном диване, а ближе к рассвету проснулась.

Он стоял у окна и смотрел на аэропорт. Почему-то было очень видно, что это у него привычная поза, что когда он дома – он стоит у окна и смотрит на аэропорт, подолгу, иногда всю ночь.

И сразу стали понятны эти необъяснимые перемещения и странные гостиницы, когда человек сперва действовал уверенно и по плану, а потом вдруг сдувался и соглашался на что попало. Это он с ней, со своей любовью, однажды ездил отдыхать, и она показала ему места, где любила бывать. Он их запомнил, но заранее заказать не догадался, потому что сам никогда никуда не ездил, а своих знакомых и любимых мест у него по той же причине не было вообще.

Человек вот так вот стоял у окна годами в своей норке, а потом случилось чудо – ему показали в щелочку настоя-

щую жизнь, и он ее снова и снова воспроизводит, эту чужую, краденую жизнь, и в ресторане он заказывает строго то, что тогда сумел запомнить, и только это ему вкусно, только то, что однажды объявила вкусным та женщина, а самому ему не вкусно ничего.

Я не вышла за него замуж. Да, вы угадали, мне не понравилась квартира.

Языковой барьер

В юности мне нравились молодые люди, у которых русский язык был неродной. В основном это были прибалты, лучше эстонцы – они знали русский хуже всех и поэтому больше помалкивали. А если уж говорили, то коротко и по делу. Когда человеку не хватает языковых средств, нести ахинею ему просто нечем. Такого человека можно считать занудой, но считать его идиотом начинаешь очень нескоро.

Я хоть и была глупа и беспечна, но умела ценить эту отсрочку. Своего первого мужа, к примеру, я записала в идиоты на второй день знакомства – бедняга говорил по-русски свободно, и совершенно напрасно.

Спустя время стало ясно, что русский с акцентом – это не выход. Все равно с ними все понятно. Надо было устроить так, чтоб было не очень понятно – тогда была надежда хоть на какую-то романтику. Сиди да слушай, как французскую эстраду – рот разевает красиво, и сразу ясно, что про любовь. Это на родном языке эстраду невозможно слушать, какой-нибудь «синий туман похож на обман», а на иностранном то же самое вполне себе прекрасно.

Сказано – сделано. Косяком потянулись немцы. В те времена язык я уже знала неплохо, но синий туман по-ихнему еще не просекала, и поначалу дело пошло преотлично. Любую сказанную кавалером хню я объявляла неизвестным мне

фразеологизмом и вместо того чтобы дать в лоб, бежала подчитывать литературки.

И доподчитывалась в итоге до того, что и с немцами все становилось ясно с первого слова, как с родными. Любить стало решительно некого, ибо где нет заблуждений, там нет и страсти.

Мне потребовалось много лет, чтобы понять, что заблуждения можно выращивать на ровном месте без всяких языковых барьеров.

Imagine all the people

Когда-то давно, когда я была молода и прекрасна, но, к сожалению, очень глупа, мне понадобилось попасть из Берлина в Магдебург. Денег за поезд я платить пожадничала и поехала автостопом от Потсдама (до Потсдама ходил чуть ли не трамвай), дошкандыбав пешком по карте до нужного автобана.

Про автостоп я много слышала от друзей-хиппи. Ничего сложного – идешь по трассе и ловишь попутку. Желательно, чтобы в машине был один водитель, а не пьяная компания, а вообще – солдат ребенка не обидит. На трассе очень холодно и всегда идет снег. Машин мало, но останавливается в среднем каждый пятый.

В Германии и зимой-то снега нет, а было лето, немцы пьяными не ездят, а машины шли потоком. Ура.

Я не знала, что на автобанах останавливаться запрещено и идти вдоль него тоже. Немецкие хиппи искали машины на заправках, стоя с плакатиком «Магдебург». Так что я была одна такая умная на всю Германию, и, как ни странно, оставилась фура, водитель был один, обычный молодой пролетарий, а в салоне играло «Imagine». Я обрадовалась. Среди моих друзей, таких же идиотов, как я сама, только невымытых и обдолбанных, считалось, что плохой человек «Imagine» слушать не станет и я, считай, доехала.

Насчет плохой-хороший я и тогда рассуждать не бралась, и теперь поостерегусь, но насчет доехала прогноз был верный. Через буквально полчаса молодой пролетарий остановил машину на специальном дальнобойном пяточке для отдыха, задернул шторы и велел мне перебираться назад. Я удивилась. Мы только что так хорошо болтали, он рассказывал про отца, такого же дальнобоя и пролетария, а я ему – про перестройку (немцы любили про перестройку, и я эту пластинку заводила с любимым, не приходя в сознание). Удивление мое, однако, никакого успеха не имело, мне показали волосатый кулак, наорали какими-то страшными словами и быстро закинули назад, где у пролетариев койка.

Я лежала на спине в куче каких-то одеял и равнодушно смотрела, как на мне копошится молодой мускулистый пролетарий. Мне не было ни больно, ни обидно. Это ничем не отличалось от того, что делали те, с кем мне доводилось до того спать по доброй воле. Я не чувствовала никакой разницы, такая же тоска и презрение, я даже не чувствовала никакой вражды к этому человеку, настолько он был похож на всех прочих.

И когда он провез меня еще километров тридцать вперед и высадил черт знает где, буквально в чистом поле – я не чувствовала ничего, кроме досады, что не довезли до места и надо опять как-то устраиваться. Там была развилка, и, чтобы выйти на правильное шоссе, надо было продраться сквозь ежевичную изгородь, и потом перейти поле, и только

когда поле было позади, и мимо уже летели машины, каждая из которых ехала куда мне надо, я вспомнила про песню «Imagine», которой я доверилась, и подумала, что в ту минуту эта песня звучала во всех машинах, в каждой машине звучала эта песня, потому что ее передавали по радио.

Управляй мечтой

Несколько лет назад у меня случилась любовь нечеловеческой силы. Любовь была взаимная, но замысловатая, и в итоге не сбылась по причине несбыточности. Расстались мы хоть и в слезах, но по-хорошему, и раз в год поздравляем друг друга с днем рождения из сентиментальных сообщений. То есть раз в год я посылаю смс «Поздравляю» и получаю ответ – «Спасибо, Сонечка».

Из этих отношений я вылезала, как собака из драки. Были последовательно пройдены все травматические фазы – отрицание, гнев, обесценивание, вытеснение, апатия и т. д. Естественно, я удалила все аккаунты, все письма и все смски из телефона, чтобы они своим двояким содержанием не бередили душу и не мешали работать над собой в сторону т. н. отпускания ситуации.

Политика выжженной земли помогала так себе, все гештальты вопияли о своей незавершенности, и цикл «отрицание-гнев-обида-апатия» прокручивался раз за разом, сильно утомляя нервную систему. А ведь всякий психолог вам скажет, что до конца проработанная травма должна оставлять после себя пусть небурные, но все же добрые чувства, в идеале – чувство сдержанной благодарности. Всякий эзотерик скажет вам то же самое, хоть и в других терминах.

Все эти годы я посылала свое поздравление и получала в

ответ спасибо. Подруги сильно осуждали меня за такую памятьливость, а я тихонько, по-муравьиному строила себе альтернативную историю, где со мной не случилось ничего плохого, где из прошлого приходят только правильные сигналы, где несть ни печали, ни воздыхания.

Обычно я удаляю все смс-сообщения сразу по прочтении. Все, кроме этих. Если сейчас, спустя несколько лет, открыть в моем телефоне архив сообщений, то он будет состоять из сообщений с того самого номера. Это будут не те, прежние сообщения, от которых хотелось рыдать и вешаться. Все, что пришло мне с этого номера, все, что осталось от этой истории, выглядит теперь так:

Спасибо, Сонечка. Спасибо, Сонечка. Спасибо, Сонечка... и так до конца.

Современные технологии плюс немножко смекалки позволяют отформатировать реальность до любой приемлемой кондиции.

И не введи нас во искушение

Когда я была молодая и прекрасная, но, к сожалению, совсем бедная, меня как-то раз занесло в Шварцвальд, в деревню к эзотерикам. Я ихние семинары переводила в Питере, ну они и сказали – будете у нас на Колыме и т. д. А я как раз ехала мимо ихней Колымы, дай, думаю, заеду. Это был 92-й год, жрать было нечего абсолютно, почему бы не Шварцвальд.

Для тех, кто не бывал. Шварцвальд – это горы, поросшие лесами. Очень живописно. Внизу, в долине, есть городок, там цивилизация и еда. У подножия одной из гор притаились эти жулики. Целая деревня ненормальных, из еды одна морковь, сортир на этаже. Но курсы шли непрерывно, со всей Европы ехал народ медитировать. Мне было дико смотреть, как эти странные люди записывались, тратили свой отпуск и платили деньги за то, чтобы поучаствовать в классе экзистенциальной лепки и понять, для чего Господь запустил их в этот мир. Для меня тогда все мечты о счастье и гармонии сводились к покупке нового пальто.

Теперь, когда я уже навидалась того и сего, я понимаю, какой это был грандиозный бизнес. А тогда я только присвистнула, когда мне показали мою комнату. На мой вопрос, как насчет пожрать, мне сказали, что можно подработать уборкой соседнего дома, 10 марок сеанс.

В этой деревне жила одна русская девушка, ее тогдашний любовник выписал из Питера и засунул туда для сохранности. Теперь она, думаю, известная художница, а тогда сидела в такой же комнатке под крышей среди лесов и снегов, давала редкие уроки креативного рисования и зарабатывала на еду бебиситтерством, 15 марок в час. Мы с ней на этом жизне-радостном фоне очень подружились и объединили свои ресурсы, ибо питаться вскладчину было выгоднее.

Над сумасшедшими немцами в поисках истины мы ржали так, что соседи колотили в стенку.

Вечерами мы вдвоем спускались в долину, в городок. Там были магазины, гуляли нарядные курортники и разве что фонтаны не били. Однажды мы нашли там на тротуаре 20 марок, о, какой это был праздник.

Обратно надо было идти сорок минут в гору по шоссе, да еще с сумками (в деревне магазина не было, а дешевые продукты весят много). Раз где-то на четвертый я сказала – ну нет сил уже, давай поймаем попутку. Это ж провинция, здесь все соседи, все добрые.

Давай так давай. Мы сняли сумки с плеча и встали ловить попутку. Машин в тех краях ездит мало, и мы успели покурить не спеша и помечтать. Что вот остановится сейчас машина, а там два друга. Возьмут нас и повезут... ну, для начала в ресторан. Мы себе там закажем мяса всякого. Свиную отбивную. Нет, говяжий стейк. Нет, посмотрите на нее. Где это ты видела немца и говяжий стейк??? Ну хорошо, отбив-

ную. Потом понятно. А потом нам, может, и денег дадут, за то, что мы такие прекрасные? Запросто. И мы на эти деньги еще неделю будем жить. Спустимся в городок, купим курицу и сварим суп. И мороженое, мороженое обязательно! Короче, срочно нужна машина с двумя мужиками!

Мы стояли на шоссе, втянув животики, две молодые голодные дуры, была как раз суббота, и внизу в городке заканчивался праздник, на который нас не пускали, и машин оттуда ехало все больше, и наконец одна из них остановилась, шикарная донельзя, мы прямо ахнули.

В машине сидели две унылые тетki вроде меня теперешней. Одна из них вышла и открыла заднюю дверь. Садитесь, девочки, сказала она. Мы убеждены, что женщин должны подвозить женщины, чтобы не было сексуальных домогательств. У нас целая группа единомышленниц, и мы патрулируем в выходные все окрестности, и наша миссия делает нас счастливыми, сказала она.

Блин, сказали мы.

О да, спасибо, сказали мы.

Ну все, никакого мороженого, сказали мы.

Расходный материал

Родители сделали ремонт. Маленький, долгий, бестолковый, но это был он. Теперь пришло время устранять недоделки. Папа старенький уже и не справляется, хоть и инженер.

Я попинала мужа – муж не пошевелился. Сама я могу только полы помыть, а насчет чего-нибудь привертеть или повесить – тут я умею только командовать. Пришлось просить Лодмастера добрейшего. Он почему-то понимает, что нужна помощь, и понимает, в какой форме она нужна, и умеет ее всучить, несмотря на все сопротивление, с шутками и прибаутками, но решительно и твердо.

Родители любят его, по-моему, даже больше, чем меня. От него они примут все без всяких капризов. Они при нем прямо расцветают – и дело делается, и в доме весело, вот так бы всегда. С ними, как-то так вышло, никто из моих мужчин не обращался по-человечески, да и я не очень, я больше насчет дела, а старикам ведь важно обращение.

Они вдвоем с папой все сделали за три дня дружно и весело, чистая радость была на них смотреть.

Когда я была подростком, меня родители заставили прочесть Ф. Абрамова. Он писал про колхозы, но был очень продвинутый, и писал про колхозы всякие ужасы. Там в этой знаменитой трилогии была семья, которая в условиях Архангельской губернии плюс советской власти колотилась как

могла за кусок хлеба и была типа соль земли. Ну мать, понятно, была вообще расходный материал, старший сын взял на себя весь груз как глава клана, и тут подросла сестрица и началась романтика. Сестрица пометалась и вышла вся в слезах за того, у кого была корова, чтоб поднять младших, чтоб выжила семья. Брат тире рупор авторских идей изумился – тридцать лет советской власти, а девку, как встарь, за корову продаем.

Это все, что я запомнила из этой трилогии.

Я не помню ни одной минуты в своей жизни, когда я не чувствовала бы себя товаром, который семья может обменять на что-нибудь полезное.

Слоник

Когда я была беременна моим ребенком, я бегала по секунд-хендам и, перегибаясь через живот, выискивала ей неземной расцветки бархатные ползунки, носочки и шапочки. Там же находились игрушки, не китайские уродцы, а дивной красоты нежные звери, их я тоже припасала для доченьки.

Среди них был слоник нечеловеческой прелести, белоснежный с розовыми пяточками, маленький. И еще там был маленький белоснежный тюлень с карими глазками. И кроткий белый поросенок.

Всеми этими зверями я обложила моего ребенка, когда он родился.

Ребенок имел свои предпочтения, он выбрал пару зайчиков, а потом он выбрал моего кролика – кролика пришлось отдать.

Остальные звери успех имели слабый и жили забытые в сундуке, а вскоре наступило время кукол, везде воцарились разнообразные Барби, а слоник по-прежнему сидел в углу, погребенный под другими игрушками, так никем и не оцененный, тюленю была докуплена целая семья – тюлень побольше и совсем крошечный тюлень, и все они были забыты, а поросенок давно стал предметом мебели, и никто на него не обращал внимания. Кролика тоже не баловали, но назад

не отдавали.

Иногда, когда ребенок засыпал, я вытаскивала кролика из кровати и носила, баюкая. Ничего, говорила я ему, это недолго. Потерпи немножко.

Потом игрушки закончились, начались девайсы, и нежные звери были собраны в мешки и поехали к бедным детям, их накопилась целая дивизия, я ведь все время покупала еще и еще. Но некоторых я не отдала, я не отдала тюленей всей семьей, поросенок и слоника, который так за 12 лет никому и не понадобился. Они поехали на дачу в сундуке и как-то там зимуют.

Кролик дома, конечно. Он живет у дочки в комнате. Она его не отдает, но я-то вижу, что ей на него наплевать.

Иногда, когда никого нет дома, я захожу к ней в комнату, беру его на руки, как раньше, и говорю ему – уже скоро. Скоро всех этих людей не будет в моей жизни. Ребенок вырастет совсем и куда-нибудь уедет, муж уйдет к другой и тоже не будет мне мешать.

Совсем немножко осталось подождать. И мой кролик снова будет со мной, и я привезу с дачи этот сундук, и достану оттуда и тюленей, и поросенок, и слоника, наконец-то слоника. Я посажу их в комнате, и буду им радоваться, и буду их всех любить, а слоника особенно, его я полюбила сразу, как только увидела, мне просто не давали.

Я буду его сажать с собой за стол, бедного, и рассказывать ему, как прошел день.

Солярис

Когда-то, годы назад, я знала одну семью. Семья была образцовая. Муж чем-то там руководил, жена тоже не дремала, дочка делала успехи. Это были очень обеспеченные люди, они обедали где хотели и покупали что понравится. Мне они казались небожителями. Особенно меня восхищало, что они по четыре раза в год ездили в Европу прогуляться. Я тоже ездила иногда в Европу, но у меня это выходило как-то натужно и довольно убого, как и все остальное, а у них это был фон жизни. Мужу это все было не особо надо, жена была поэнергичней, ребенок был подросток и изводил обоих, сами они тоже друг друга подбешивали, но функционировали исправно – посещали что полагается, на отелях не экономили и такси брали не раздумывая.

Я хотела тогда жить как они, но чтобы при этом любовь, чтоб никакого раздражения, а одна только радость и нежность, и все это на фоне архитектуры, долгих прогулок и разумных, но достойных покупок плюс немножечко безумств, потому что радость и нежность, как было сказано выше. Другими словами, я хотела себе этого мужа. Я хотела всюду ездить с мужчиной, который всегда знает дорогу, все умеет устроить, который не нуждается в моих советах и которому не лень меня лишний раз порадовать. Мне даже не надо было, чтобы он сорил деньгами, он и так был не крохобор.

Прошли годы. Мой муж неплохо зарабатывает, я тоже не отстаю, дочка делает успехи. Мы читаем меню слева направо и не ждем зарплаты, чтобы купить мне шубку. Четыре раза в год мы ездим в Европу прогуляться. Мы делаем это просто так, долго не готовясь. Мужу это не особо надо, это все мои идеи, но он не сопротивляется. Ребенок стал подростком и мотает нам нервы, друг друга мы тоже терпим с трудом, но мы всюду прекрасно ориентируемся, играючи все организуем, такси берем без колебаний и везде оставляем на чай. Мы хорошо одеты, мы говорим на иностранных языках и посещаем все, что полагается.

Когда стало ясно, что счастья с тем человеком мне не достанется, я потихоньку воспроизвела его мир у себя дома и в нем живу.

Моя теперешняя жизнь – это мемориал, который я воздвигла в память о той любви.

Цветочек

У меня никогда не было домашних растений – я не умела с ними обращаться, боялась ответственности, и вообще мне было не до того. Когда мы с мужем вили гнездо, шикарными считались кожаные диваны и искусственные деревья, мы купили два. Все подаренное в горшке дохло неукоснительно через неделю, я уже как-то привыкла не расстраиваться.

Она ничем не отличалась от других, эта бабулька, она стояла у метро, одна из многих, продававших вязаные носки, грибные банки и кусты алоэ. В руках у нее была коробочка из-под йогурта, а в коробочке росло что-то крошечное, похожее на хвостик от ананаса. Я не помню, сколько это стоило, какие-то копейки, я была молодая, успешная и спесивая, это был мой сентиментальный каприз.

Ананас был посажен в горшок и полит, дальше начались мучения.

Он то засыхал и отваливался кусками, то делался бурый и разлагался заживо. Меня уже знали во всех цветочных магазинах, я скупила все удобрения и бесконечно пересаживала его из грунта в грунт – ничего не помогало, цветочек мой еле дышал.

Параллельно шла унылая борьба с бесплодием, какие-то уколы, ну и вообще жизнь, т. е. всякое говно. Но мы с цветочком как-то держались, он даже подрос несмотря ни на что,

и, хотя одним боком засыхал, а другим мок, все равно жил.

А потом я забеременела. Это случилось настолько на ровном месте (лечение давно было брошено), что я сказала своей подруге – что-то у меня грудь побаливает, похоже – плохо мое дело, пожила и хватит. Цветочек мой тогда весь подобрался, все сухое отряхнул и словно задумался. А мне сказали – беременность восемь недель.

Я носила этого ребенка как знамя, наступила осень, и он уже пинался, потом пошел снег, и живот уже мешал надеть ботинки, а цветочек мой вдруг пошел в рост и оказался изумрудным и пышным, и выбросил тонкие, как ниточка, побеги, каждый в крошечных белых цветочках, и цвел всю зиму, и когда я уехала рожать моего ребенка, он цвел, и когда я вернулась – он все еще цвел, и через год после этого он тоже меня поздравил.

Он и теперь, спустя столько лет, прекрасен, свеж и могуч, хотя цвести ему больше не о чем, у нас теперь и без него есть кому цвести.

Нетрадиционные отношения

Когда я была еще более молодая и прекрасная, у меня было две жизненные цели – поднять бабла и выйти замуж за курчавого брюнета высокого роста.

Один курчавый брюнет уже прошел к тому моменту через мои руки, но оказался бракованным – бабла он поднимал мало, бестолково, а главное – для себя, а не для меня, это с моими задачами монтировалось плохо. Поэтому я была вся в поиске, перестройка шла к концу, до путча оставалось шесть недель.

Новый курчавый брюнет смотрел на меня двенадцать остановок подряд, я ехала в Меншиковский дворец вести вместо кого-то заболевшего экскурсию для немцев, изучающих русский язык, нашли что изучать, я ехала в троллейбусе и давилась пирожком, пообедать было нечем. Брюнет смотрел, как я жую. Не знаю, о чем думал брюнет, а я думала то же, что думаю всегда – соображай быстрее, идиот, мне через две остановки выходить.

Брюнет вышел вместе со мной и зашагал следом. О, подумала я. Гляди-ка, сообразил. Брюнет дошел до входа и вошел за мной. Он был в этой группе экскурсантов, о, подумала я, это судьба, подумала я и после экскурсии не помчалась на остановку, а села покурить. Теперь было не до шуток, дело было серьезное.

Курчавый брюнет высокого роста оказался родом из Базеля, и ботинки на нем были ручной работы. Он присел рядом и спросил, не займусь ли я с ним русским разговорным. Я сказала «Да», и мы пошли в кабаk. Кабак в те времена, если кто не в курсе, представлял собой погребок с дерматиновой мебелью, где самой козырной закуской в меню был шпротный паштет по цене осетрины. Мы много курили и смеялись, выпили много коньяка, богомерзкого на вкус, а потом я дала ему свой адрес.

На следующий день он явился на урок. Мы занимались русским разговорным, хотя я и тогда не представляла, как его преподают, и сейчас без понятия. Я ему просто давала темы для дискуссий, он дискутировал сам с собой, а я прикидывала, что взять с собой, а что продать и кому. Вечером снова был кабаk, коньяк и шпротный паштет. В тот же день я выставила за дверь своего тогдашнего бойфренда, нежного инфантила со склонностью к стихосложению.

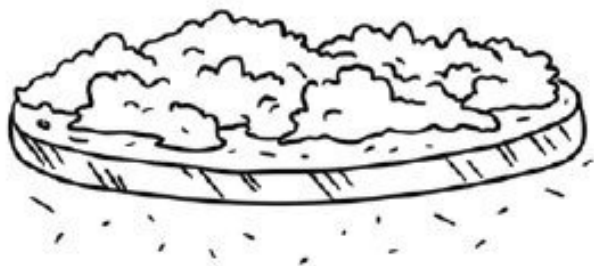
Мы встречались каждый день. Я водила его по городу и на какие-то концерты волосатых неформалов, а он кормил меня шпротным паштетом и рассказывал, какой дом у них в Базеле и куда выходят окна. Еще он говорил, что я одна его понимаю. С багажом я определилась, купила у фарцы большой чемодан и обменяла все прикопленное на доллары по черному курсу. Секса у нас не было, и меня это слегка удивляло, но в целом мне было не до этого – речь шла о серьезных вещах, а не о всяких глупостях. Однажды он очень мед-

ленно произнес «Ты мне очень нравишься», и акцент у него был сильнее обычного.

Он сказал это в день путча, 19 августа. Мне было очень страшно. Мы сидели в валютном ресторане за пивом, и я не чувствовала ничего, кроме страха. Ты мне очень нравишься, ты потрясающая девушка, сказал он, но страха меньше не стало. Страх было столько, что я зажмурилась. Ты потрясающая девушка, сказал он, но я люблю мужчин, так сложилось.

Путч закончился хорошо, чемодан мне тоже потом много раз пригодился, а курчавого брюнета я встретила полгода спустя в другом валютном ресторане, с ним был невысокий большеглазый юноша, юноша одной рукой ел, а другой держался за его руку, а мой брюнет не сводил с него глаз.

Это были нетрадиционные сексуальные отношения, потому что традиционные сексуальные отношения заключаются в том, что все несчастны и выхода нет.

Поперек

Когда я писала диплом, я раз в неделю посещала своего руководителя в евойном НИИ. Руководитель был не мальчик и с первого взгляда смекнул, что говорить со мной об экономике предприятия бессмысленно. Он набрасывал мне в темпе план очередной главы и переходил к разговорам за жизнь.

В этих разговорах непропорционально большое место занимала тема женщин. Это слово он произносил всегда как бы с большой буквы, при этом понижая голос и подкатывая глаза. Теперь я догадываюсь, что это он ко мне клинья бил, так, чисто автоматически, типа вдруг обломится, а тогда я по молодости думала, что он просто унылый дурак.

Женщина, подвывал он, она же должна быть Женщина! Юбочка там, чулочки, все дела. Чтоб всякий видел, что она Женщина! Я сидела напротив в джинсах и в рыжих альпийских ботинках почти до колена, юная, кудрявая и точеная, и чем больше этот старый мудак мне вкручивал про чулочки, тем больше на мне с каждым разом становилось джинсы и кожи, и, собираясь к нему, я напяливала чуть ли не бейсболку.

А дома у меня в это время сидел так называемый бойфренд, фарцовщик по роду занятий и со своими собственными идеями насчет стиля и имиджа.

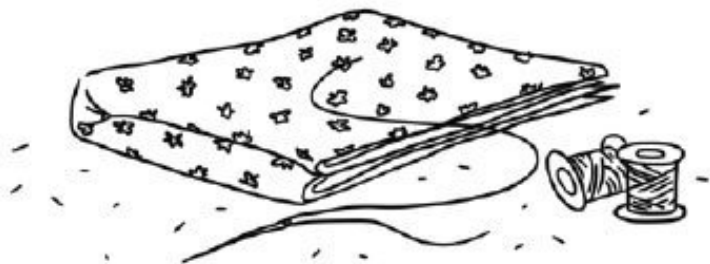
Фарца одевалась так, чтобы легко смешаться с группой каптуристов, не выделяясь среди них визуально. Этого требовала профессия и правила безопасности. Туристы одеваются по-туристически – чтоб удобно и не жалко, и вся фарца ходила в джинсах Ливайс 501, в белом Рибоке или в мокалинах с лапшой, плюс ветровка Коламбия или джинсовая куртка по спортивно-казуальной моде тех лет.

Для девушки-мажора тоже существовала своя униформа. Она должна была выглядеть как американская школьница – тот же Ливайс, тот же Рибок плюс загорелые ножки и модная стрижка. Платья были запрещены, платья и каблуки носили путаны, это был совершенно другой профсоюз, и очень важным считалось ни в чем на них не походить.

Мой бойфренд очень одобрял меня в бейсболке. Именно поэтому я купила старушачьего ситчику в мелкий цветочек, сама нарисовала выкройку и сшила на ручной машинке платьице с тесным корсажем и присборенной юбкой ниже колена.

Если бы это платье увидел мой дипломный руководитель, у него случилась бы преждевременная эякуляция. Бойфренд, однако, негодовал по поводу такого отстоя и стеснялся со мной ходить по улице. А я нарочно ходила только в нем.

Так я и не поносила в юные годы то, что мне хотелось. Не потому, что при большевиках чего-то было не достать, а потому, что была озабочена только тем, как бы ненароком кому-нибудь не угодить.

Худеть!

Поскольку я очень жадная, летаю я в основном лоукостерами. По этой же причине я при покупке билета не оплачиваю багаж в надежде обойтись ручной кладью. Это получается не всегда, т. к. на обратном пути у меня вечно оказывается накуплено всякого, опять-таки потому, что см. п.1.

С ручной кладью у лоукостеров строго, 10 кг и никаких вправо-влево, а оплачивать сдаваемый багаж в аэропорту мало того что стоит полтинник евро, так еще и не любой аэропорт делает такое одолжение.

Как-то раз в Дюссельдорфе мой ручной чемоданчик оказался на три кило тяжелее допустимого. Я прямо вся похолодела – дело было ночью, и стойка, решающая вопросы, пуствовала. Мне не сдать мой чемоданчик в багаж! Придется выбросить три килограмма ценного груза! Все мои покупки!

Я бегала по аэропорту и приставала к персоналу, пока наконец за стойкой не нарисовалась заспанная тетенька толще меня примерно втрое.

Красная и всклокоченная, я упала на стойку грудью и закричала:

- Как хорошо, что вы пришли! У меня ужасная проблема!
- Какая же? – невозмутимо поинтересовалась тетенька.
- Ужасная! Я не знаю, что мне делать! У меня лишний вес!!!

Тетенька бросила беглый взгляд на мою задницу.

– Ну вижу, да. Не у вас одной. Зачем же так переживать?

Благая часть

Когда-то давно, когда я была еще более молодая и прекрасная, мне довелось просидеть несколько месяцев в Западном Берлине.

Приехала я туда по так называемой большой любви, но в целом статус мой был не очень понятен. Говоря точнее, он был понятен как дважды два, но лучше было его не понимать. Мужчина, с которым я жила, меня, мягко говоря, не баловал, и я довольно быстро начала устраивать свои дела самостоятельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.